

Обзоры и рецензии * *Reviews*

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.1.10>

Г. М. Керт, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис, Ленинград 1971. 355 стр.

В своей объемистой книге «Саамский язык (кильдинский диалект)» Г. М. Керт попытался дать полное грамматическое описание языка кильдинских саамов, в первую очередь говора с. Воронье (саам. *kårdeg sjiŋ*). Выбор можно считать весьма удачным. Территориально диалект занимает центральное положение среди саамских диалектов Кольского полуострова и в этом смысле служит примечательным объектом для описания также в лингвогеографическом отношении. Поскольку автор в 1954—1965 годах имел возможность близко познакомиться и с другими диалектами колтских и кольских саамов и даже издал сборник текстов на языке кольских саамов (Образцы саамской речи, Москва—Ленинград 1961), он располагал хорошими предпосылками для осуществления своей цели. В уместных случаях Г. М. Керт как раз и привлекает материал соседних саамских диалектов — не только кильдинских, но и колтских и терских.

Работа согласно традиционному способу грамматического рассмотрения материала делится на три раздела — фонетику, морфологию и синтаксис. В этих рамках охвачена вся грамматическая структура языка. Лишь словообразование, которое по широко распространенному взгляду относится к области морфологии, у Г. М. Керта опущено. Об этом приходится сожалеть, поскольку это область, важная с точки зрения структуры языка и богатая в теоретическом плане. С другой стороны, принятое решение могут оправдать как практические доводы (чтобы избежать чрезмерного увеличения объема), так и теоретические соображения (поскольку, по другой точке зрения, словообразование является частью лексикологии, только внешне примыкающей к грамматике). Во всяком случае автором

и так охвачена обширная область, в которой из-за отсутствия необходимых предварительных разработок во многом приходилось поднимать целину.

Наибольшие требования к исследователю саамского языка в большинстве говоров предъявляет фонетика. Так обстоит дело и с кильдинским диалектом. Многие резкие изменения, происшедшие после саамского праязыкового периода, в языке кильдинских саамов привели к образованию своеобразной звуковой системы, анализ которой требует больших знаний и глубины. Г. М. Керт стремится показать главные черты этой системы с помощью средств классической фонологии, т. е. описать фонемы, их основные аллофоны, а также дистрибуцию фонем. Количественные отношения он иллюстрирует дополнительно с помощью тщательно составленных осциллограмм, а некоторые качественные моменты, в свою очередь, с помощью палатограмм. Г. М. Керт, несомненно, правильно выявил и проанализировал остов системы фонем. В некоторых деталях его наблюдения и основанный на них анализ отличаются от того, что следовало бы ожидать на основании данных ближайших соседних диалектов. К таким относятся, например, следующие моменты:

1. Оппозиция краткого и полудолгого или долгого гласного в первом слоге. Эту оппозицию автор иллюстрирует несколькими минимальными парами, однако разницу не отмечает вообще. До сих пор оппозиция точно констатировалась по крайней мере в пяти кильдинских говорах (Т. И. Итконен в поселке Ваенга, Т. И. и Эрkki Итконен в поселке Шонгуй, Микко Корхонен и автор рецензии в Ловозере, Териберке и Варзине). Могла ли она в указанном говоре настолько нейтрализоваться, как отмечено у автора? У него, например, в такой паре слов, как *al'ke*

'начинать': *a'k* 'сын' (стр. 77), уже нет количественного (а также качественного) противопоставления, что хорошо сохранилось в других кильдинских (и терских) говорах.

2. Качество первоначальных смычных геминат слабой ступени и одиночных смычных сильной ступени. Автор отмечает два различных качества в таких случаях, как *topp* (им. пад. мн. числа) 'ножны': *šabb* 'сиг' (стр. 44). Это различие, в языке кольских саамов в общем не отмеченное, весьма интересно и, пожалуй, заслуживает более подробного комментария.

3. Дистинкция первоначальных геминат и первоначальных одиночных согласных в слабой ступени. Судя по материалу, представленному на стр. 84—87, это различие в остальных согласных, за исключением смычных, нейтрализовалось так, что слабая ступень всегда представлена кратким одиночным согласным (по качеству похожим на сильноступенный; как слабоступенная пара *ss* все же выступает звонкий *z*). В других кольско-саамских диалектах количественная разница в слабой ступени, как известно, сохранилась. Представленной картине несколько противоречат данные на стр. 146 и 148, по которым слабоступенные основы слов *pešš* 'береста' и *piss* 'ружье', содержащих первоначальную геминату *ss*, и звучат не как **pež* и **piz*, а как *peš* и *piss*.

4. Различие между «полусмягчением» и «полным» смягчением. По автору, различие (дистинктивное?) встречается, например, в таких случаях, как *n-ull* 'стрела' (стр. 59) : *ñuemetl* 'заяц' (стр. 60), *loñ-ł* 'птица' : *koñ'te* 'убивать' (стр. 60), *tan-n* 'яйцо' : *laññ* 'город' (стр. 60). Возникла ли в этом диалекте таким образом новая оппозиция двух типов смягчения, которая прямо не связана с таким более ранним типом оппозиции, как *mãññe* 'яйцо' (в праязыке не смягчавшийся *n*: первоначально **mãñe*) : *mãññe* 'невестка' (в праязыке смягчавшийся *ñ*: первоначально **mãñ'e*)? Причем эта более ранняя оппозиция, как отмечает автор, могла в свою очередь нейтрализоваться в пользу «полного» смягчения, например

(стр. 85): *laññ* 'город' < прасаам. **lãññe* : *mãññ* 'невестка' < прасаам. **mãñ'e*.

5. Отношение к чередованию ступеней первоначальных сочетаний согласных и сочетаний согласных, возникших в результате выпадения. В соседних говорах последние не подвержены чередованию, а по мнению автора, в исследуемом говоре они повсюду чередуются, например, *sugl̄e* 'грести' : *sugl̄a* 1-е лицо настоящего времени ед. числа (стр. 90), *suel̄ne* 'воровать' : *suel̄na* (стр. 95). Все же это обозначение несколько противоречит тому утверждению, что сочетание согласных, относящихся к разным морфемам (к основе и суффиксу), не участвует в чередовании (стр. 88). Осциллографический материал автора не включает случаев, которые иллюстрировали бы отношение к чередованию, свойственное указанным парам примеров.

Как ни ценен сам по себе фонологический анализ Г. М. Керта, он, пожалуй, несколько страдает тем же схематизмом, который вообще свойствен анализам, опирающимся на чисто синхронный уровень и основанным на американском «корпусном» мышлении. Представляется, что его ценный материал еще лучше доходил бы до читателя, если бы синхронное описание было дополнено под лингво-историческим углом зрения. Здесь можно было бы дать и ретроспективные комментарии, и отдельно — обзор современного состояния диалекта, построенный на реконструированных языковых связях прасаамского языка. Такой обзор практически был бы близок к описательным моделям современной генеративной фонологии; ведь они с точки зрения синхронии кажутся тем естественней, чем больше соответствуют историческому ходу развития. С другой стороны, следует признать, что последовательное проведение исторической точки зрения увеличило бы и так большой объем исследования.

Морфологическую часть работы во многом определили предпосылки, созданные рассмотрением фонетики. Словоизменяемые флективные элементы показаны обстоятельно, тщательно разработаны функции форм. Наибольшую трудность представили выступающие в слово-

изменении многообразные чередования звуков, которые вместе с окончаниями, а во многих случаях и самостоятельно поддерживают функциональную разницу форм. Автор решает этот трудный вопрос распределением как имен, так и глаголов на словоизменительные типы, каждому из которых свойственны те или иные случаи чередования звуков. С помощью парадигм отдельных типов и приложенных к ним перечней слов выявляется словоизменение большей части словарного фонда. Правда, нет сведений о некоторых интересных группах слов, например, в области имен, об изменении деминутивов и некоторых других слов, гласная основа которых первоначально была трехсложной. Упомяну в качестве примеров такие приведенные в связи с фонетикой (стр. 50) слова, как *čuekas* 'дорога' и *šam* 'борода', склонение которых выясняется не с помощью типовых парадигм, а мимоходом в совершенно иных связях: генитив ед. числа *čuhk* — стр. 171, комитатав ед. числа *šimñen* (а не *šimnen*? Т. И.) — стр. 76. Изменение этих слов может казаться аномалией в свете современного состояния диалекта, но в свете истории языка оно имеет последовательное объяснение: звуку *o* второго слога в номинативе единственного числа в косвенных падежах первоначально соответствовал гласный *u* (в предыдущем слове стяженный гласный, в последнем нестяженный), это вызвало в первом слоге закрытый вариант гласного. Исторический обзор, который отсутствует при рассмотрении фонетики, создал бы хороший фон для склонения не только этих слов, но и многих других, упомянутых в связи с типовыми парадигмами.

Как строго синхронный анализ показ словоизменения у автора интересен и представляет ценность. Он послужит прочной исходной позицией и хорошим импульсом для будущих исследований, а также сравнительно-исторических изысканий в фонетике и морфологии саамских диалектов. В качестве примера упомяну раздел о притяжательных суффиксах; он содержит новые сведения из области, в которой именно язык кольских саамов (так же как некоторые финские диалекты и самодийские языки) сохранил исконные уральские элементы.

Третья часть исследования, синтак-

сис, по понятным причинам доставила большие трудности методического плана. Во введении к этой части автор широко освещает дискуссию о принципах описания синтаксических явлений. По выходе книги это введение, правда, уже несколько устарело в том смысле, что в нем нет ссылки на те перспективы, которые в последние годы открыла трансформационно-генеративная теория. Несомненно, было бы неправомерно требовать, чтобы автор на современном этапе интенсивного изучения синтаксиса пришел к какому-либо окончательному принципиальному решению. В отсутствии удобных диспозиционных моделей он пытается самостоятельно создать такую синтаксическую систематику, в рамки которой можно было бы поместить материал. Та синтаксическая «модель», на которой Г. М. Керт строит свое исследование, основывается скорее на форме, чем на значении. Основой членения служат типы словосочетаний — таковых автор выделяет два: 1. словосочетания, в которых отношение компонентов выражено, и 2. словосочетания, в которых отношение компонентов не выражено. Внутри этих типов имеется еще несколько подтипов. В общем это основанное главным образом на поверхностной структуре членение отличается четкостью, хотя иногда и объединяет явления, которые в более глубоком смысле не очень сродни между собой и, с другой стороны, разъединяет явления, которые, если смотреть глубже, представляют собой единое целое. Иногда в разделе повторяются вещи, о которых уже говорилось в разделе морфологии в связи с определением функций форм. Есть основание особо подчеркнуть, что материал у Г. М. Керта обилен и разносторонен и что примеры представляют правильный живой язык. Большинство из них почерпнуто автором из его ценного сборника «Образцы саамской речи».

До сих пор полные саамские грамматики, отвечающие современным требованиям, имелись только по западным саамским диалектам. Классической можно считать большую норвежско-саамскую грамматику Конрада Нильсена; наряду с ней следует упомянуть грамматические публикации по языку южных саамов, саамов Пите и норвежских саамов Элиеля Лагеркранца, работу Бёрна Коллиндера о фонетике и морфологии диалекта Юккаста-

ярви и особенно богатую по содержанию и строго структуралистскую по способу подачи грамматику южносаамского диалекта Рёрус Кнута Бергсланда: «Саамский язык» Г. М. Керта — первая большая грамматика одного из восточносаамских диалектов — по праву займет свое место среди этих исследований, она представляет собой достойное дополнение общей картины саамоведения. Есть основание поздравить автора с окончанием многолетнего упорного труда и вместе с тем пожелать, чтобы у него была постоянно возможность к дополнительному изучению недостаточно известных кольско-саамских диалектов.

А. И. Туркин, Топонимия нижней Вычегды. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1971.

25 мая 1972 года на заседании Ученого совета Института языкознания Академии наук СССР научный сотрудник Коми филиала Академии наук А. И. Туркин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Топонимия нижней Вычегды». Официальными оппонентами выступили член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук профессор Б. А. Серебренников (Москва) и заведующая сектором удмуртского языка Удмуртского научно-исследовательского института, кандидат филологических наук доцент Л. И. Калинина.

Труд А. И. Туркина представляет собой монографическое описание коми географических названий бассейна нижней Вычегды, вернее, территории от Сыктывкара до устья Вычегды у г. Котласа. Эту территорию занимают два района Коми АССР и три района Архангельской области. На ней расположены 64 населенных пункта с коми-зырянским и русским населением.

Объем диссертации составляет 421 страницу. В предисловии (стр. 4—11) автор определил тему, цель и задачи исследования, указал материалы и источники, дал краткое изложение методики работы.

Главная задача диссертации заключается в следующем: критически рассмотреть литературу по топонимике Севера вообще и по коми топонимике в частности, установить закономерности адаптации коми

ских говоров. В объектах исследования недостатка нет: вспомним хотя бы, что одного из основных диалектов, бабинского, до сих пор еще совсем не касались и что по другим диалектам еще многое не отмечено. Особо следует пожелать, чтобы весь словарь кольско-саамских диалектов со всеми оттенками (не забывая обилия производных и принципов их образования!), а также топонимика были полностью собраны, пока еще имеются для этого возможности.

ТЕРХО ИТКОНЕН (Хельсинки)

названий в русской топонимической системе, определить лексико-семантические типы коми топонимов, наметить принципы наименования географических объектов, указать на место и роль каждого из принципов образования того или иного географического названия; провести этимологический анализ отдельных основ и формантов, а также выяснить принадлежность их к определенному языковому источнику, т. е. выделить этнолингвистические слои в коми топонимии. Соответственно работа разделена на четыре главы: 1. Закономерности адаптации коми топонимов русским языком; 2. Основные принципы номинации географических объектов; 3. Иноязычные топонимы на территории нижней Вычегды; 4. Этимологическая интерпретация формантов.

Основным частям работы предшествует развернутое введение, завершает ее заключение. К работе приложены список 4028 собранных автором топонимов (стр. 242—386), указатель сокращений (стр. 387—390), библиографический указатель использованной литературы (стр. 391—413) и восемь карт-схем, на которых показаны территория нижней Вычегды, коми топонимы на русской территории, русские топонимы на коми территории, прибалтийско-финские, угорские, волжские, а также гидронимические, микротопонимические и словообразовательные форманты (стр. 414—421).